

КНИГА.

Въ журналѣ „Лѣтопись“ напечатанъ очеркъ М. Горькаго—„Книга“. Это одна изъ страницъ законченной писателя о давно прошедшемъ.

Въ паркѣ, у стѣны маленькой старой дачи, среди сора, выметеннаго изъ комнаты, я увидѣлъ растрепанную книгу, видимо, она лежала тутъ давно, подъ дождями осени, подъ снѣгомъ зимы, покрытая рыжей хвоей и жухлымъ прошлогоднимъ листомъ. Теперь когда весеннее солнце высушило ея страницы, еклеенныя глянью, уже нельзя было прочесть, о чемъ говорятъ облекшія линіи буквъ.

Я пошевелилъ ее носкомъ сапога и пошелъ дальше, думая о томъ, что можетъ быть, это—хорошая, сердечно написанная книга, и не мало людей, читая ее, волновались, спорили, учились думать; можетъ быть, кого-то она оплодотворила новой мыслью и многихъ въ холодные ныи одиночества согрѣла своимъ тепломъ.

Мнѣ исполнилось, какимъ добрымъ другомъ была для меня книга во дни отречества и юности, и особенно ярко встала въ памяти жизнь на маленькой желѣзнодорожной станціи между Волгой и Дономъ.

Станція стояла въ степи, скудно покрытой сѣрыми былинками, въ пустотѣ и тишинѣ, на рушаемой зимою унылымъ нѣміемъ снѣжныхъ вьюгъ. Лѣтомъ на станціи были комары, въ рыжей степи насмѣшливо и тихо свистѣли суслики, въ небѣ мутномъ отъ зноя, молча кружились воршупы и бѣлые луны.

Бывало смотришь съ перрона въ степь: даль пустою землей, въ свинцовой дали струится марево, на бугоркахъ, около своихъ норъ, стоятъ суслики, приложивъ къ отстрѣпкнмъ мордочкамъ ловкія переднія лапки, точно молятъ

ея. А больше никого нѣтъ,—дышишь пустотою, и сердце жалобно сжимается отъ скуки.

Лишь изрѣдка мохнатые чабаны, похожіе на святыхъ отшельниковъ съ картинъ, проведутъ съ юга на сѣверъ стару овецъ, и въ тишинѣ стѣнной взвиваются ихъ странные крики:

— Р-ря-о! Р-ря-у...

Подуетъ вѣтеръ, осыплетъ станцію мелкимъ горячимъ пескомъ, принесетъ печальное хлоптанье дрофы, свистъ грызуновъ—и снова тихо, и жизнь кажется безконечнымъ сномъ.

Гдѣ-то, въ стѣнныхъ балкахъ прятался казачья хутора; позади станціи, верста за пять, къ Волгѣ прикуринула на неплодной землѣ деревня—Пески; оттуда къ намъ зимою приходили бойкія дѣвицы очищать отъ снѣга станционные пути, а по ночамъ на станцію являлись ихъ братья и ошцы воровать щиты на топливо и товаръ изъ вагоновъ.

Особенно тяжело жилось въ жаркія лѣтнія ночи въ тѣсныхъ комнатахъ—печью дышать, духота и комары не позволяють уснуть; все население станціи вылѣзало на перронъ и неприкаянно плясало повсюду, заводя отъ скуки ссоры, раздражала дежурныхъ воющими звѣками жалобами на бессонницу и нездоровье, нелѣпыми вопросами. По двору точно лунатики, ходятъ женщины въ бѣлыхъ одеждахъ, босыя, съ растрепанными волосами; курится костеръ, прикрытый сырмы гальникомъ; въ безвѣтренныя ночи дымъ костра встаетъ къ небу сѣрымъ столбомъ, не отгоняя комаровъ,—они рождаются въ мертвыхъ заводяхъ Волги и тучами летятъ сюда, въ сухую степь, на муку людямъ и на свою гибель.

Въ глухой тишинѣ, далеко гдѣ-то и точно подъ землею рождается тяжелый шорохъ, растега, окутываетъ станцію желѣзнымъ гуломъ; поютъ рельсы, трясется лампы; ктонибудь дремотно говорить:

— Тринадцатый идетъ...

На краю степи, въ черную кожу тьмы возилемъ красный лучъ, ранивъ ночь, и по землѣ разстилается влажное пятно свѣта, напоминая кровь. Медленно приближаясь лучъ дробится, и

вотъ онъ сталъ похожъ на что-то желтые жуткіе глаза, они дрожатъ въ гнѣвномъ возбужденіи,—къ тремъ домикамъ станціи ползетъ изъ глубины ночи нѣкое злое чудовище, угрожая гнѣбью. Знаешь, что это—товарный поѣздъ, но хочется представить себѣ другое, хотя бы страшное, но другое.

Пассажирскіе поѣзда, пробѣгая мимо станціи, только усиливаютъ впечатлѣніе неподвижности жизни, углубляютъ сознание отрѣзанности отъ нея. Остановится поѣздъ на минуту,—изъ оконъ вагоновъ, какъ портреты изъ рамъ, смотритъ на тебя какіе-то люди; вскрываются, точно искры въ темнотѣ, загадочные глаза женщинъ, трогая сердце теплыми лучами мимолетныхъ улыбокъ.

Сердитый свистокъ—и въ облакѣ пара поѣздъ скользятъ дальше, лица людей въ окнахъ вагоновъ странно искажаются, вытягиваясь въ бокъ, всѣ въ одну сторону.

Къ этому мальканію жизни быстро привыкаешь; мимо тебя проѣзжаютъ одни и тѣ же машинисты, кочегары, кондуктора; кажется, что и люди всегда одни и тѣ же,—они стали неразличимы, точно комары.

На станціи служило одиннадцать человекъ, четверо семейныхъ. Всѣ жили точно подъ стекляннымъ колпакомъ, о каждомъ было известно все, чего не нужно знать о человекѣ, и каждый зналъ обо всѣхъ остальныхъ все, что хотѣлъ и не хотѣлъ знать. Всѣ ходили другъ передъ другомъ словно голые; человекъ при первомъ удобномъ случаѣ публично выворачивался наизнанку, понуждаемый скукой къ нечистоплотнымъ откровенностямъ и покаяніямъ.

Играли въ карты, страшно пили водку, порою обезумѣвъ отъ пьянства и тоски, поражали другъ друга выходками.

Однажды вечеромъ сторожъ Крамаренко молодой, красивый мужикъ, подошелъ поды окно квартиры смазчика Егоршина, лысенкаго и богомольнаго старика, женатаго на сиротѣ-казачкѣ, женщинѣ большой и молчаливой,—подошелъ раздѣлся донага и сталъ орать въ окно:

— Егоршинъ, выходи, собака! Выходи, раздѣ-

вайся, пусть жена твоя видит: который лучше!

Казачка, стиравшая белье, выплеснула на грудь ему ковш кипятку; он завыл и убрался в степь, а Егоршин начал бить жену гаечным ключом. Люди отняли женщину, хотѣли отправить ее в городъ, в больницу, но казачка отказалась.

— Не падо, сама виновата, зачѣмъ ласково смотрѣла на него,—говорила она, лежа на дворе, обмотанная кровавыми тряпками, широко открывъ спяе глаза и обливая губы маленькимъ язычкомъ.

И дважды спросила тихонько:

— Больно я его обварила?

— Ой, безстыжая,—шептались женщины и дѣвчичи.

Егоршинъ заперся въ квартирѣ и молился, стоя на коленяхъ въ лужѣ мыльной воды. Люди смотрѣли на него въ окно и ругали старика.

Утромъ, на другой день, Крамаренко взялъ расчетъ и пѣшкомъ ушелъ куда-то къ Дону; цель онъ вдоль линии дороги странно-прямо, высоко поднявъ голову, какъ солдатъ на парадѣ.

А черезъ нѣсколько дней и Егоршинъ перевелся на другую станцію.

— Это, братъ не поможетъ тебѣ,—сказалъ ему Колтуновъ, помощникъ начальника станціи, прощаясь съ нимъ.—Тебѣ въ землю надобно переводиться; отъ горя никуда, кромѣ какъ въ землю!

* * *

Это былъ страдный человекъ,—Петръ Игнатьевичъ Колтуновъ. Всегда полупьяненный, блѣдный, онъ, должно быть, имѣлъ какія-то свои догадки о жизни, но выражалъ ихъ неясно, и даже казалось, что онъ не хочетъ быть понятымъ.

Суховѣй, тощій, онъ постоянно встряхивалъ выхристой, рыжей головой и, прикрывая сѣрые глаза золотистыми рѣсницами, спрашивалъ насъ —меня, вѣсовщика станціи, и товарища моего телеграфиста Юдина, горбатого и злого.

— Какому Богу служите, ребята, а? Потѣха!

Или вопрошалъ самъ себя:

— Развѣ я для того родился, чтобы меня комары ѣли?

Мы, я и телеграфистъ, часто и горячо говорили о будущемъ, онъ емѣлся надъ нами:

— Потѣха! Вы спросите меня: что будетъ черезъ десять лѣтъ, въ сей день и часъ? Я вамъ вѣрно скажу: то же самое! А черезъ двадцать пять? И тогда—то же самое...

Когда я съ Юдинымъ начали читать Спенсера, онъ, послушавъ, спросилъ:

— Англичанинъ?

— Да.

— Ну, значитъ, врать! Англичанинъ правду никогда не скажетъ.

И не сталъ слушать Спенсера.

Иногда Колтуновъ одолевая припадкѣ нечѣпаго упрямства: онъ крутилъ пальцами обгрызанные усы и тоненькимъ нервнымъ голосомъ настойчиво старался убѣдить насъ, что „Панъ Твардовскій“ написать лучше „Фауста“, а Тургеневъ барышничалъ лошадьми. Или кричалъ, высоко взмахивая правой рукою:

— Всѣ наши писатели—не русскіе: Пушкинъ—сынъ араба, Жуковскій—гурчанинъ, Лермонтовъ—англичанинъ! А которые русскіе, такъ они всѣ—незаконнорожденные...

Онъ былъ сынъ священника изъ Тургайской области, учился въ Тамбовской семинаріи.

— Выучился водку пить,—пошелъ въ университетъ, въ Казань,—разказывалъ онъ, и его сѣрые глаза уныло зеленѣли. Въ нетрезвомъ состояніи души надѣлъ профессорскую пшубу, шалку и пропилъ сію арматуру. Потѣха! Ну, мнѣ предложили освободить университетъ. Ушелъ, лѣтъ пять присматривался къ разнымъ дѣламъ и незаметно очутился женатъ. Съ того времени—стоитъ машина.

Жена ушла отъ него, онъ жель съ дочерью, шестилѣтней рыженькой дѣвочкой, спокойной и серъзной, какъ взрослый человекъ. Ея блѣдное неподвижное личико славно пряталось

въ золотѣ кудрей, темные глазки смотрѣли на все сосредоточенно, улыбалась она рѣдко. Все населеніе станціи любило ее какой-то особенной любовью, боязливой и осторожной; мужчины при ней тише ругались, женщины ставили ее въ примѣръ своимъ дѣтямъ:

— Смотри, вонъ какая Вѣрочка смиреннѣкая, да, аккуратная...

Отецъ звалъ дочь по имени и отчеству — „Вѣра Петровна“; онъ относился къ ней нечестно, съ любопытствомъ и, какъ будто, съ боязнью, за которую, скрывалась враждебность.

По тѣснымъ путямъ станція маневрируетъ локомотивъ, входитъ поѣздъ съ Дона или Волги, а Вѣра Петровна въ бѣломъ платочкѣ на золотыхъ кудряхъ, не спѣша идетъ черезъ рельсы между локомотивами мелькаютъ ея тонкія ножки въ красныхъ нитяныхъ чулкахъ. Она идетъ въ высокую степь собирать бѣлые пѣвѣты, бѣгать за сусликами съ таловымъ прутомъ въ рукѣ.

Отецъ слѣдитъ за нею изъ окна станціи или съ перрона и кусаетъ усы, прикрывъ золотыми рѣсницами воспаленные глаза.

— Запретить бы ей ходить по путямъ,—говорятъ ему.

Но онъ равнодушно отвѣчаетъ:

— Ничего, она,—осторожнѣя...

Смотришь бывало, какъ она одиноко разжмиваетъ по пустой землѣ, за версту отъ станціи, кланяясь рѣдкимъ цвѣтамъ и травамъ, и все больше не нравятся ея отецъ, станціа, люди,—вся та скучная, полусонная жизнь.

Не разъ по ночамъ она прибѣгала ко мнѣ, скучающая съ головы до ногъ большой, сѣрой, палкой, похожая на летучую мышь, и говорила торопливо, но спокойно.

— Или, отецъ опять назлоюкался до смерти Схватить ее на руки, я бѣжалъ на квартиру Колтунова.

Онъ валился на полу спиной, со вздувшимся лицомъ, вытаращенными глазами, похожий на утопленника. Нѣсколько капель нашатырнаго спирта съ водою, влитыя ему въ горло, ожив-

ляли его, онъ мычалъ, а дѣвочка убойственно-спокойно спрашивала:

— Еще не до смерти?

И садясь на полъ, у головы отца, гладила его рукою по шершавой щекѣ, приговаривая:

— Ахъ, какая пьяница несчастная!

Юдинъ, любившій дѣвочку больше, чѣмъ другіе, мечталъ:

— Если бы у меня была мать, или какая-нибудь дуреха согласилась бы выйти замужъ за горбатого, я бы выпросилъ Вѣрочку себѣ. За чѣмъ она Колтунову.

Онъ былъ золь, дерзость, склоненъ къ пессимизму, но гдѣ-то въ глубинѣ его души теплилась тоска о лучшей жизни и нѣжное со-страданіе къ людямъ.

— Какъ жалко всёхъ!—вздыхалъ онъ иногда, ночью, во время дежурства, когда мы, прочитавъ какую-нибудь книгу, говорили о ней. —Какъ жалко людей!..

Это чувство онъ безплодно тратилъ на уходъ за пьяными и больными, на примиреніе семейныхъ ссоръ и на убедительныя письма товарищамъ своимъ, телеграфистамъ линій. Одному онъ совѣтовалъ жениться, другому—играть на скрипкѣ, третьяго уговаривалъ идти въ колонию толстовцевъ.

Когда я немножко смѣялся надъ нимъ за это, онъ рѣзко возражалъ:

— А что дѣлать? Что можно дѣлать въ этой рыбьей жизни!

* * *

Мы оба были страстными любителями чтенія, мы читали книги съ ненасытною жадностью, день и ночь, въ свободные часы. Книги были для насъ просвѣтами въ міръ дѣйственной жизни міра мертвой пустоты.

Но очень быстро мы проглотили всё книги, какія нашлись на шести станціяхъ между Волгой и Дономъ, и вотъ наступила для насъ полоса духовнаго голода,—муки его знакомы

только тѣмъ, кто жилъ въ пустотахъ нашей страны, задыхался въ густой скучѣ ея равнинъ. Нечѣмъ жить—это, кажется, самое жуткое ощущеніе, испытанное мною. *

Долго маялись мы * въ поискахъ хорошихъ книгъ, но не находили ничего кромѣ романовъ Окрейца, старой „Нивы“ и тому подобной нишеты.

Колтуновъ издѣвался надъ нами.

— Что, ребята, издыхаете? Потѣха!

И однажды, сжалившись, предложилъ:

— У меня въ Калачѣ знакомый есть, онъ выписываетъ журналъ. Хотите—попрошу?

Мы стали умолять его; онъ, посмѣявшись, согласился, и черезъ нѣсколько дней кондукторъ пассажирскаго поѣзда вручилъ Колтунову пакетъ и письмо.

— Вотъ онъ, журналъ!—сказалъ Колтуновъ побѣдоносно взмахнувъ пакетомъ, но, прочитавъ письмо, закусилъ усы, оглянулся и, сунувъ пакетъ подъ мышку, плотно прижалъ его локтемъ.

— Ну, давай сюда,—попросилъ Юдинъ, радостно улыбаясь большимъ ротомъ.

Колтуновъ приподнял плечи и тономъ начальника заявилъ:

— Успѣешь, не лѣзь!

Юдинъ удивился, отступилъ на шагъ; они были друзьями, и Колтуновъ никогда не говорилъ такъ грубо.

— Я схлопоталъ,—миѣ и читать первому, а вы—послѣ!—добавилъ Колтуновъ сухо и сердито.

Это и меня обидѣло: раньше читали вслухъ, всё вмѣстѣ, или читалъ тотъ, у кого было свободное время. Книгу держали всегда на виду, въ телеграфной.

— Ты что форсишь?—спросилъ Юдинъ, а Колтуновъ отвѣтилъ еще болѣе сердито:

— Отстань! Я хочу читать для отдыха души, а не для спора да вздора. Читать надо молча, а вы разсуждаете: отчего такъ за-

чѣмъ не этакъ! Надоѣло миѣ это! Я хочу одинъ читать,—и уберите къ черту!

Онъ залеръ книгу въ ящикъ своего стола и до конца дежурства не разговаривалъ съ нами, гнѣвно озираясь, словно испуганный чѣмъ-то. Когда онъ, кончивъ дежурство, уходилъ къ себѣ, Юдинъ сказалъ ему:

— Ляжешь спать, положи книгу на видномъ мѣстѣ, я найду, возьму ее..

Онъ не отвѣтилъ, только усмѣхнулся.

Около полуночи Юдинъ предложилъ миѣ:

— Пойди-ка, возьми книжку, онъ, навѣрное, дрыхнетъ уже.

Днемъ часа полтора непрерывно хлесталъ землю обильный дождь, затѣмъ снова на вымытомъ небѣ явилось знойное солнце, щедро согрѣло землю,—теперь въ степи было темно и душно, какъ въ банѣ. Среди черныхъ тучъ, въ глубокихъ синихъ ямахъ тускло свѣтились золотыя звѣзды,—въ эту ночь всё онѣ казались угасающими. Предо мною, какъ бы указывая путь, прыгала лягушка; 1 вдали гудѣлъ поѣздъ, съ водокачки доносилась тихая пѣсня кочегара-еврея, косоглазого человѣка, съ печальной улыбкой на красныхъ губахъ,—кажется, ничто не могло стереть эту улыбку съ его остраго смуглаго лица. Изъ окна квартиры Колтунова изливался желтый свѣтъ, падалъ на землю, показывая въ темнотѣ штабелъ шпалъ и тонкій стволъ тополя. Сквозь кисею натянутую въ рамѣ окна, я видѣлъ Колтунова, онъ сидѣлъ за столомъ въ ночномъ бѣльѣ,—облокотясь, согнувшись, застывъ пальцы въ рыжіе волосы. Его острый, небритый подбородокъ судорожно вздрагивалъ, и на книгу, лежавшую между локтями, капали слезы,—при свѣтѣ лампы было хорошо видно, какъ онѣ падали одна за другою,—миѣ казалось, что я слышу мокрые удары о бумагу. Не хорошо видѣть человѣка, когда онъ плачетъ..

Кромѣ лампы, на столѣ стояла едва початая бутылка водки и тарелка съ кускомъ соленого арбуза. Въ плетеномъ креслѣ спала дѣвочка,

свернувшись калачикомъ; лицо ея было сплошь закрыто кудрями, виденъ только ротъ, удивленно открытый. Глубже въ комнатѣ было такъ же темно, какъ въ стени, а освѣщенное пространство напоминало пещеру въ черной горѣ.

Колтуновъ выпрямился, посмотрѣлъ въ окно. Его незначительное лицо, обтаявъ въ слезахъ, казалось еще меньше и незначительнѣе. Вотъ онъ поднималъ книгу надъ лампой и сталъ сушить слезы; посушивъ и потрогавъ пальцемъ страницу, снова качаетъ книгу надъ огнемъ, а изъ глазъ его все катятся слезы, застревая въ усахъ.

Я ушелъ встрѣчать поѣздъ и, встрѣтивъ, сказалъ Юдину:

— Не спать, все еще читаетъ...

— Скотина!—ворчалъ телеграфистъ, выстукивая отправленіе.—Пріятели! Всѣ мы приятели до перваго вѣснаго куса. Издѣвается...

Передъ разсвѣтомъ я снова стоялъ подъ окномъ, неприязненно разглядывая сквозь кисею маленькаго рыжаго человѣка. Онъ, должно быть, спалъ: голова опустилась на грудь, руки безсилно лежали на колѣняхъ. Лампа погашена, но горитъ свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, золотое копье огня двукратно отражается въ стеклѣ бутылки,—водки не убавилось. Комната еще темнѣе, чѣмъ была прежде, дѣвочки нѣтъ въ креслѣ, а закрытая книга лежитъ на углу стола, близко къ подоконнику.

Я тихонько прорвалъ кисею, просунулъ руку въ дыру. Колтуновъ вскопчилъ на ноги, хватилъ подсвѣчникъ, размахнулся и заоралъ дикимъ голосомъ:

— Прочь! Убью!

Свѣча погасла, но я все-таки видѣлъ знакомое искаженное лицо, тотчасъ утонувшее во мракѣ.

Черезъ минуту онъ спокойно и грубо спросилъ:

— Это кто?

— Я. За книгой.

— Не дамъ...

Я постоялъ подъ окномъ еще нѣсколько ми-

нутъ, глядя въ степь на востокъ. Тамъ, за тучами, всходило солнце; на желтомъ пятнѣ зари маячили маленькій черный всадникъ; по землѣ за нимъ сѣрымъ облакомъ ползла отара овецъ.

Все это—знакомо, все это было. Какъ хорошо смотрѣть въ книгу и видѣть передъ собою другую жизнь!..

Для четири Колтуновъ дразнилъ насъ книгой: принесетъ ее на станцію и читаетъ одинъ, а когда мы попросимъ—издѣвается:

— Встаньте на колѣни—дамъ!

Юдинъ увѣщевалъ его:

— Дуракъ, вспомни, сколько мы давали тебѣ книгъ!

— Ну, такъ что?

— Ты читалъ же съ нами?

— Вставай на колѣни!

Онъ былъ противенъ и жалокъ, онъ самъ, видимо, чувствовалъ это, и, наперекоръ себѣ, все болѣе упрямъ дразнилъ насъ. Читаетъ и время отъ времени издаетъ разныя восклицанія:

— Ого! Потѣха! Вотъ какъ!

Эти словечки еще болѣе распалили наше любопытство, нашу жажду познакомиться съ книгой. Мы такъ не влюбились въ него, что даже на дѣвочку перенесли чувство, вызванное ея ступомъ. И когда она, любимая, подбѣгала къ намъ, мы холодно отстраняли ее, надѣясь хоть этимъ досадить ея отцу.

Я до сего дня помню, съ какимъ недоумѣніемъ смотрѣли на меня и Юдина темные глазки дѣвочки, какъ вздрагивалъ въ улыбокѣ огорченія ея алый ротъ, похожій на цвѣтокъ.

И Колтуновъ видѣлъ это. Но онъ только усмѣхался и дергалъ себя за усы нервнымъ движеніемъ руки.

— Хочется почитать, мальчишки?—спрашивалъ онъ, пряча книгу въ столъ.—А я не дамъ...

— Ударю я его,—грозилъ Юдинъ, задыхавшись и блѣднѣя.—Вотъ что: книгу эту не брать у него, ходи и давай,—не брать! Ладно?

Я соглашался.

— Ладно.

— Даешь слово?

— Даю.

Смѣшно вспомнить объ этомъ теперь, но въ тѣ дни я искренно страдалъ и боялся чего-то потому что въ груди порою вскипала такая ненависть къ человѣку, что отъ нея кружилась голова, и передъ глазами мелькали красныя пятна.

Вся станція видѣла, что мы, трое друзей, поссорились; всѣ слышали, какъ Колтуновъ издѣвался надъ нами, всѣ чего-то ждали отъ насъ и что-то внушали намъ безмолвно, пытливыми взглядами, усмѣшками.

Кончилось это очень просто: утромъ Колтуновъ пришелъ на дежурство, бросилъ журналъ Юдину и сказалъ:

— На, читай...

Телеграфистъ схватилъ книгу на лету и тотчасъ молча воткнулъ большой носъ въ оглавленіе.

Ночью я читалъ вслухъ Юдину незначительный разсказъ о томъ, какъ хорошая женщина ушла отъ дурного мужа на работу для обществу, для міра,—читалъ и думалъ:

— Надъ этимъ, что ли, плакалъ Колтуновъ?

Вдругъ онъ ввалился въ дверь и заоралъ, цѣпляясь руками за косяки:

— Не смѣй читать!

Ноги у него подгибались, онъ былъ безобразно пьянъ и дико таращилъ красные, мокрые глаза.

— Не смѣй... Никто не понимаетъ ничего... и тѣ, кто пишутъ, и всѣ...

Опустился на полъ, протягивая намъ руки и вскрикивая:

— Молчать!.. Не читай!..

А въ двери, за его спиною, стояла маленькая дѣвочка, Вѣра Петровна, въ разстегнутомъ платицѣ, сползавшемъ съ плечъ, босая и встрепанная,—ея рыжія кудри поднимались вверхъ, какъ пламя,—стояла и тусклымъ голосомъ спрашивала:

— Зачѣмъ вы его обидѣли?